

**ИДЕИ РУССКОГО КОСМИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ И. А. БУНИНА:
«ГОСПОДИН МИРА» И «ГРАЖДАНИН ВСЕЛЕННОЙ»**

Посвящается юбилейной Всероссийской научной конференции «И. А. Бунин: от века XX к веку XXI». Конференция состоится 20–21 сентября 2018 года в Елецком государственном университете им. И. А. Бунина

А. П. Суходолов, Е. С. Антипина

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления
21 мая 2018 г.

Дата принятия к печати
14 августа 2018 г.

Дата онлайн-размещения
3 сентября 2018 г.

Ключевые слова

И. А. Бунин; «Господин из Сан-Франциско»; «Воды многие»; русский космизм; антропокосмизм

Аннотация

В статье освещаются некоторые особенности реализации философских идей и сущности антропокосмизма в контексте творчества великого русского писателя, лауреата Нобелевской премии И. А. Бунина. Проводится сравнительно-сопоставительный анализ произведений «Господин из Сан-Франциско» и «Воды многие», где репрезентируется культурный феномен странничества, с целью выявления специфики поэтического космоса писателя. Описываются особенности антропокосмического мировоззрения И. А. Бунина, утверждается его представление о космосе как структурно организованном упорядоченном мире и человеке в фокусе художественно-философской, религиозно-нравственной оппозиции «Господин Мира» — «Гражданин Вселенной».

**THE CONCEPTS OF RUSSIAN COSMISM IN THE WORKS
BY I. A. BUNIN: «THE GENTLEMAN OF THE WORLD»
AND «THE COSMOPOLITE»**

Dedicated to the Jubilee All-Russian Scientific Conference «I. A. Bunin: from 20th Century to 21st Century» The Conference will be held on September 20–21, 2018, in I. A. Bunin Yelets State University

Alexander P. Sukhodolov, Elena S. Antipina

Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation

Article info

Received
May 21, 2018

Accepted
August 14, 2018

Available online
September 3, 2018

Keywords

I. A. Bunin; «The Gentleman from San Francisco»; «Waters Aplenty»; Russian cosmism; anthropocosmism

Abstract

The article considers the peculiarities of the philosophical concepts implementation and the essence of anthropocosmism in the works by the great Russian writer, Nobel prize winner I. A. Bunin. A comparative analysis of his works «The Gentleman from San Francisco» and «Waters Aplenty» is given. The cultural phenomenon of wandering is shown in order to reveal a specific character of the writer's poetic universe. The peculiarities of I. A. Bunin's anthropocosmic philosophy are described, his idea of the universe as of a structured world and of the man in the light of the artistic and philosophical, religious and ethical opposition «The Gentleman of the World» — «The Cosmopolite» is substantiated.

Настанет день — исчезну я,
 А в этой комнате пустой
 Все то же будет: стол, скамья
 Да образ, древний и простой.
 И. А. Бунин, август 1916 г.

Введение

Известно, что художественно-философская концепция мира и человека И. А. Бунина сформировалась под воздействием русского космизма — философского течения, получившего широкое признание у зарубежных исследователей (Л. Козэр [1], А. Тэски [2], М. Хагемайстер [3], Д. Шлапенток [4] и др.). По мнению О. Н. Щедриновой, оно стало последним шансом на духовное спасение человечества. Исследователь указывает, что данное направление возникло, когда «...земная жизнь стала ареной для борьбы за веру», «...в России произошла беспрецедентная битва веры и неверия, Добра и Зла» [5, с. 235]. Такое положение дел позволяет ученому называть его представителей «космическим десантом спасателей», что, по ее мнению, вполне справедливо, ведь они, выражаясь словами А. И. Куприна, «...из хаоса — из бумаги и чернил — творили целые миры и, создавши, говорили: это доброе зело» [6, с. 82].

Действительно, эпоха, в которую жил и творил И. А. Бунин, отличается резким противоборством и сменой мировоззренческих и художественных систем. На рубеже XIX–XX вв. космоцентрическое сознание, базирующееся на представлениях о Космосе как о структурно организованном упорядоченном мире и человеке («Гражданине Вселенной»), формируется в противоположность антропоцентрическим взглядам на человека и мир, где первый является центром и высшей целью мироздания («Господином Мира»).

В. Н. Демин подчеркивает, что космизм — это не просто знание, а особое прочувствование Вселенной; научно осмысленное, эмоционально-личностное мироощущение [7, с. 3]. Суть русского космизма, ставшего фактически синонимом антропокосмизма, по мнению О. В. Сливицкой, наиболее точно сформулировал Л. Н. Толстой, творчество которого в известной степени повлияло на И. А. Бунина. Так, в дневниковой записи от 6 октября 1910 г. читаем: «Гуляя, особенно ясно, живо чувствовал жизнь телят, овец, кротов, деревьев — каждое, кое-как укоренившееся сделало свое дело — выпустило за лето побег: семечко — елки, желудь превратился в дерево, в дубок, и растут, и будут столетними, и от них новые, и так же овцы, кроты, люди. И происходило это бесконеч-

ное количество лет, и будет происходить такое же бесконечное время, и происходит и в Африке, и в Индии, и в Австралии, и на каждом кусочке земного шара. А и шаров то таких тысячи, миллионы. И вот когда ясно поймешь это, как смешны разговоры о величии чего-нибудь человеческого или даже самого человека. Из тех существ, которых мы знаем, да — человек выше других, но как вниз от человека — бесконечно низших существ, которых мы отчасти знаем, так и вверх должна быть бесконечность высших существ, которых мы не знаем, потому что не можем знать. И тут-то при таком положении человека говорить о каком-нибудь величии в нем — смешно. Одно, что можно желать от себя, как от человека, это только то, чтобы не делать глупостей. Да, только это» [8, с. 113].

Антропокосмическое мироощущение И. А. Бунина, как считает О. В. Сливицкая, вполне исчерпывающе сформулировано им в произведении «Освобождение Толстого», где писатель говорит о том, что человек должен был сознавать в себе свою личность не как нечто противоположное миру, а как малую часть мира, огромного и вечно живущего [9, с. 131].

Исследователи-буниноведы, посвятившие свои научные работы изучению творчества этого великого русского писателя, в частности А. Абрамянц [10], А. К. Бабореко [11], И. А. Ильин [12], Л. В. Крутикова [13], О. Н. Михайлов [14], Р. С. Спивак [15], О. В. Сливицкая [16], единодушно приходят к концептуальному выводу о том, что человек у И. А. Бунина не может существовать вне контекста природы, Вселенной, вечности. Учитывая такую закономерность творческого акта писателя, а также специфику историко-культурной ситуации в России того времени, следует предположить, что особый интерес могут представлять рассказ «Господин из Сан-Франциско» и художественный дневник «Воды многие», которые на сегодняшний день с этой точки зрения остаются недостаточно изученными. Сравнительно-сопоставительный анализ этих двух произведений с позиции отражения в них идей русского космизма, по нашему мнению, дает возможность не только глубже понять духовную сущность, мотивы поступков, определить иерархию ценностей, установить прагматические ориентиры писателя, но и выявить особенности реализации данного философского явления в контексте его творчества, т. е. те грани космического мироощущения, которые помогают наметить перспективы в изучении индивидуаль-

но-авторской картины мира И. А. Бунина. Все это, в свою очередь, определяет новизну и актуальность настоящей работы.

Теоретическая и практическая значимость исследования обусловлена необходимостью обращения к актуальным проблемам современности, в частности к изучению внутреннего творческого потенциала писателя.

Культурный феномен странничества и идея неразрывной связи человека с Космосом, Вселенной в произведениях И. А. Бунина «Господин из Сан-Франциско» и «Воды многие»

Выбор материала для исследования обусловлен рядом сходных и в то же время противопоставляемых черт, присущих произведениям, транслирующим идеи русского космизма с двух полярных фокусов. Так, в рассказе «Господин из Сан-Франциско» и в художественном дневнике «Воды многие» главные герои совершают путешествие по океану на корабле, оба они плывут на острова. Иными словами, в каждом из произведений находит воплощение культурный феномен странничества, характерный для литературы XX в., где образ странника символизирует путь духовно-нравственных исканий и обретения смыслов в единении с высшим началом мироздания.

Господин из Сан-Франциско путешествует на пароходе «Атлантида» к о. Капри, а герой-повествователь дневника «Воды многие» — на «Юнана» к о. Цейлон. Через символическое изображение пароходов раскрывается идея неразрывной связи человека с Космосом, Вселенной. Пароход «Атлантида» огромен, здесь все предусмотрено для комфорта богатых пассажиров, жизнь на нем протекает весьма размеренно: «... вставали рано, накинув фланелевые пижамы, пили кофе, шоколад, какао; затем садились в ванны, делали гимнастику, возбуждая аппетит и хорошее самочувствие, совершали дневные туалеты и шли к первому завтраку; до одиннадцати часов полагалось бодро гулять по палубам, дыша холодной свежестью океана, или играть в шэффльборд или другие игры для нового возбуждения аппетита...». «Юнан» в этом смысле — его антипод. По описанию это «один из тех пароходов, которые, будучи пассажирскими, ходят теперь в качестве грузовых по своей отсталости от современных удобств». Однако герой ощущает себя как дома, хозяином: «И обед имел совсем домашний характер. По-домашнему приготавливалось и кофе, — не в поварской, а в столовой, собственноручно: молот старший

механик, засыпал и варил первый помощник». Если монотонная, размеренная жизнь на «Атлантиде», описываемая автором, воспринимается скорее в негативном ключе (нет гармонии с Космосом, пассажиры никакого внимания не обращают на великолепие природы, упиваясь лишь красотой рукотворной), то однообразие «Юнана» восхищает: «Все та же прелесть однообразия. Все последние дни солнце садилось совершенно чисто. Небо перед закатом было неизменно золотое, сияющее; потом оно краснело, вместе с краснеющим солнечным шаром, который, коснувшись горизонта, слегка вытягивался, становился огненно-багряной митрой». Герой произведения «Воды многие» чувствует себя вполне комфортно, более того, он «счастлив этим чистым, скромным счастьем», так как ощущает свою близость с природой, неразрывную связь с ней. Для него счастье — это не материальные блага и удобства, а возможность «жить, любить, мечтать в этом светлом божьем мире...». Он благодарен Богу, что тот дает возможность созерцать мир и наслаждаться окружающей красотой. Такой контраст заставляет задуматься над вопросами христианской морали и отправляет к известному изречению Сократа, который призывал «есть, чтобы жить, а не жить, чтобы есть». В дневнике «Воды многие» счастье представлено как высшая степень блаженства и ассоциируется с упорядоченной, размеренной жизнью, первозданной тишиной, покоем. Главным условием счастья становится ощущение духовного и эмоционального подъема. Такое возвышенное понимание счастья сближает эту категорию со сферой «возвышенного», нравственного, что соответствует идеям русского космизма, основными чертами которого являются высокий гуманизм и оптимизм, убежденность в особом космическом предназначении человека. Л. В. Крутикова, отмечая в произведениях И. А. Бунина неразрывную связь между человеком и природой, пишет: «Природа становилась для И. А. Бунина той целительной и благотворной силой, которая дает человеку все: радость, мудрость, красоту, ощущение беспредельности, разнообразия и цельности мира, ощущение своего единения, «однобытия», родства с ним» [17, с. 637].

Идеи нравственной основы эволюции как основы гармонии с Космосом

В центре внимания космистов стоял вопрос: «Способен ли человек, ощутив себя частицей Вселенной, преобразить собственную природу и внешний мир?» Рассматривая

произведения писателя в аспекте отражения идеи философов-мыслителей о необходимости обоснования нравственной основы эволюции как залога успеха достижения гармонии с Космосом, важно указать истинные мотивы путешественников, которые обусловлены мечтой героев побывать на островах. В то время как господин из Сан-Франциско путешествует не ради духовного, а ради телесного наслаждения, с целью получения удовольствия (а возможно, и личной выгоды) от счастливых случайных встреч (полагая, что они действительно бывают), впечатлений от любви молодых неаполитанок (пусть даже и не совсем бескорыстной) и прочих развлечений (карнавалов, автомобильных и парусных гонок, азартных игр и многого другого), герой дневника «Воды многие» стремится прикоснуться к святыням, тайнам, вечности. Очевидно, что движение героя-повествователя в пространстве в произведении «Воды многие» является путем духовного поиска, духовного становления. Следовательно, маршрут путешествия, олицетворяющий собой жизнь, судьбу человека, зависящую от воли высших сил, служит ключом к пониманию основного замысла произведения и играет здесь ключевую роль. В этом усматривается идея космистов о том, что человечеству для достижения высшего духовного идеала необходимо преобразовывать свою физическую и этическую природу. Изучение произведений сквозь призму антропокосмического мировоззрения позволяет увидеть преемственность обращения И. А. Бунина к прошлому как к возможности постичь тайны бытия и человеческой души: «Да, уже целые тысячелетия, из века в век, из часа в час, из сердца в сердце передается всех и вся равняющий и единящий завет: чти скрижали Синая. Сколько раз человечество восставало на них, дерзко требовало пересмотра, отмены их велений, воздвигало кровавые схватки из-за торжества новых заповедей, в кощунственном буйстве плясало вокруг золотых и железных тельцов! И сколько раз, со стыдом и отчаянием, убеждалось в полном бессилии своих попыток заменить своей новой правдой ту старую, как мир, до дикости простую правду, которая некогда, в громах и молниях, возвещена была вот в этой дикой и вечной пустыне со скалистых синайских высот!»

Герой-повествователь пытается интеллектуально и духовно совершенствоваться, поэтому он много читает: «Все читаю, читаю, бросая прочитанное за борт. — Жить бы так без конца!» В интервью 1913 г. И. А. Бунин признавался: «Жизнь так интересна, человек

же в своем знании ее ограничен, скоро приходится умирать. Я бы согласился жить бесконечное количество лет» (запись от 22 января 1922 г.). Писателя пугает не столько физическая смерть, сколько духовное небытие, отсутствие возможности созидать и творить. Возникает двойственный характер антропокосмического мироощущения, конфликт, о котором говорит О. В. Сливцкая: единство и противостояние человека и природы, единство и несоединимость жизни и смерти [16]. И. А. Бунин видит лишь один правильный выход, который нашел для себя когда-то Л. Н. Толстой, — путь к Богу. Он осознает: природа вечна, а человек может быть вечен только в воспоминаниях, настоящая и самая страшная смерть — это забвение, поэтому ему было так важно вписать себя в историю. Концепт «память» выходит у него на первый план, когда решаются проблемы бытия. Если человек не оставил после себя никакого «следа», значит, он достоин смерти в веках, как господин из Сан-Франциско, о котором, несмотря на все богатства, забыли, когда его тело еще «не остыло». По мысли писателя, тот, кто ставит себя в центр мироздания и не видит истинных божьих целей, обречен на вечную смерть.

Острова, куда плывут герои, олицетворяют собой замкнутое пространство. В произведении «Воды многие» остров ассоциируется с раем и символизирует изначальное совершенство, космический центр, гармонию между Богом, человеком и всеми живыми существами, вечной жизнью. Маршрут героя по сути — путь к «небесному Граду». Цейлон в его представлении является «землей обетованной». Лейтмотивная фразеологическая единица *обетованная земля* восходит к тексту Библии (Ветхому Завету) — это Палестина (земля, куда Бог привел потомков Авраама — евреев из Египта, где те находились в плену). У И. А. Бунина данный фразеологизм употреблен в значении «место, куда кто-л. страстно мечтает и стремится попасть, где царит довольство, изобилие, счастье» [18, с. 173]. При этом он приобретает философскую семантику: связан с поисками смысла бытия, с возможностью тонко созерцать окружающий мир, со стремлением прикоснуться к тайнам Вселенной и Богу. В «Господине из Сан-Франциско» такой параллели не существует. Данную мысль доказывает и факт использования в дневнике «Воды многие» эпиграфа из Псалтыря (*Господь над водами многими*), утверждающего господство божественных сил, авторитет Творца над земными существами (тварями). В рассказе

«Господин из Сан-Франциско», напротив, отчетливо звучит тема утраты смысла жизни и подмены духовных ценностей материальными. Об этом свидетельствует эпиграф к первоначальному варианту произведения, взятый из Нового Завета (Апокалипсиса): «Горе тебе, Вавилон, город крепкий», который впоследствии И. А. Бунин убрал. Неслучайно в рассказе «Господин из Сан-Франциско» странствование на корабле происходит по кругу (фабула имеет круговую структуру): берега Америки (Новый Свет) — берега Италии (Старый Свет) — берега Америки (Новый Свет) (с той лишь разницей, что пароход уже плывет с телом умершего господина). Перед нами воссоздается аллегория рокового круга замкнутости, который создан самим «Господином Мира» — человеком, бессильным перед природой и Космосом. Возможно, поэтому в дневнике «Воды многие» писатель уже отказывается от кольцевой композиции, путь героя завершается, когда до пункта назначения остается одна ночь. И. А. Бунин позже сократил произведение, опустив описание обратной дороги в Одессу. Это связано у писателя еще и с личным восприятием города, который в литературе нередко ассоциируется с индустриализацией, техническим прогрессом, губящим природу. В письме брату Юлию от 3 апреля 1895 г. И. А. Бунин писал: «Будь они прокляты, эти города!» [11, с. 50]. Город, по его мнению, — это «хлябь, хаос — царство Сатаны, / Губящего слепой стихией» [19, с. 419]. Пароходы, на которых герои совершают свои путешествия, также создают ощущение замкнутого пространства и символизируют технический прогресс. Как отмечает Е. А. Трофимова, «...русский космизм был одной из дерзновенных попыток разрешить фундаментальные проблемы бытия человека и человечества в условиях мировых катастроф, стремлением противостоять жесткому и жестокому миру технократической цивилизации: если представители техногенной цивилизации делали акцент на утилитарной, военной пользе развития техники, то русский космизм подчеркнул принципиальную внеутилитарную ориентацию всего научно-технического прогресса, обратив внимание на человека и заложив основы нового типа гуманизма» [20, с. 5]. Особенно отчетливо тема технического прогресса, губящего все «живое», звучит в рассказе «Господин из Сан-Франциско», где подчеркивается, что «Атлантида» — этот огромный, многоярусный, многотрубный корабль — создан «гордыней Нового Человека со старым сердцем», тем самым «Господином Мира».

Идея Всеединства

А. В. Гулыга, рассматривая человека как космическое существо, полагает, что, «освоив Землю, он проникает в Космос, становясь фактом космического бытия, а также несет ответственность за судьбы Вселенной, ее самопознания и дальнейшего развития» [21, с. 227]. И. А. Бунин, бесспорно, чувствовал себя частью Космоса, а значит, и осознавал ответственность человека перед лицом Абсолюта. Идеи писателя созвучны идее Всеединства, позволяющей воспринимать мир, лежащие в его основе закономерности как нераздельное целое. Анализ рассматриваемых нами произведений дает возможность предположить, что, с точки зрения И. А. Бунина, гармония с природой возможна только тогда, когда в социуме есть сплоченность, общество обладает внутренним единством. В этом и заключается, по мысли Ф. И. Гиренка, особенность русского космизма, где «Вселенная — это дом, в который еще надо вселиться, причем не поодиночке, а всем миром» [22, с. 121]. Так, в произведении «Воды многие» возникают образы табора и гнезда, где человек живет в «дикой» природе, где «шатры, козы, голые черные дети и, конечно, опять нечистоты», но именно здесь, по мнению автора, «чувства пробуждаются совсем иные, высокого, почти жуткого порядка», поскольку над нею — нам неведомые божьи цели. В рассказе «Господин из Сан-Франциско» показано общество, в котором единства нет, есть только общие интересы, да и то один — новый пассажир, наследный принц одного азиатского государства. А ведь еще Л. Н. Толстой считал самым страшным грехом грех разъединения с людьми. В свете сказанного важно отметить, что у главного героя (как и у других героев рассказа из высшего общества) нет имени, это выделяет его из «толпы», обращение «господин» определяет не только положение в обществе, но и в мире технократической цивилизации. В дневнике «Воды многие» герои тоже остаются безымянными, но здесь обезличивание происходит в силу дневниковой формы повествования (жанрового своеобразия произведения), с философско-идеологических позиций собственные наименования также не имеют значения, ведь, когда человек ощущает себя частью Вселенной, чувствуя связь с природой и Космосом, имя неважно. Так, Ф. А. Степун указывал: «У И. А. Бунина человек и природа слиты в нечто целое и единое, это слияние достигается на путях растворения человека в природе. <...> Его человек прежде всего природный человек. Как для

древнего мира все было полно богов, среди которых, однако, не было Бога, так и у И. А. Бунина природа полна людей, среди которых все же нет Человека» [23, с. 371–372].

Идея «четверогласия стихий»

В художественно-философской концепции мира и человека И. А. Бунина присутствует идея «четверогласия стихий» — космических начал жизни в виде огня, воды, земли и воздуха, каждой из которых он придает символическое значение: *пожар, пламя, свеча* и т. п. соотносятся со стихией огня; *океан, море, волна, влага, лед, дождь* и т. п. — с водой; *гора, вершина, пустыня, дерево* и т. п. — с землей; *ветер, гроза, покой/тишина* и т. п. — с воздухом. Одним из главных образов является земля, представленная в анализируемых произведениях в разных ипостасях (земля — это место обитания всего живого, поэтому она символизирует пространство; слово *земля* используется в значении «суша, материк»; земля — это *остров*). Земля в контексте творчества И. А. Бунина перестает быть олицетворением чрева, породившего все живое, или могилы, в которую все возвращаются, она не осознается им как начало и конец бытия человека в этом мире. По его мнению, жизнь продолжается и после смерти. Неслучайно в произведении «Воды многие» герой-повествователь не хочет верить в смерть быка, которого и вправду зарезали на мясо для команды корабля и путешественников: «Последняя его ночь! <...> Может быть, последняя только на земле? Даже в смерть быка отказывается верить сердце».

Как земная стихия и символ в произведениях И. А. Бунина выступает *огонь*, олицетворяющий собой мирный свет, несущий людям пользу и покой.

Ключевым в обоих произведениях выступает и символ *воды*. Она олицетворяет все водное пространство: реки, озера, над которыми властвует Бог-Создатель, все сущее на земле. Но прежде всего вода — это океан, являющийся, по замечанию О. В. Сливицкой, опорным образом в творчестве писателя, который символизирует вечность. Ученый пишет: «Если мир Толстого находится в постоянном становлении, то мир И. А. Бунина — в бытийной неподвижности. Река воплощает идею вечной изменчивости. Океан — неизменности. Река имеет начало и конец. Океан поглощает в себе и начало и конец (накатившая волна возвращается в океан «в колыбель и могилу свою» [16]. Такое мировосприятие близко буддийским

представлениям о том, что «путь в водном просторе — это путь ниоткуда и никуда» [24, с. 138]. Следует заметить, что тяготение к буддийскому Востоку в целом свойственно философии космистов, так как буддийские религиозные построения являются, по их мнению, «одной из наиболее высоких форм человеческого достижения» [25, с. 28].

В дневнике «Воды многие» вода — это орудие и дар Духа, источник жизни (или сама жизнь), символ надежды, источник и гробница всего сущего во Вселенной, она является символом покоя: «Проснулся в шесть от шума воды — матросы, как всегда в этот час, «скатывали» палубу, затопляли ее из шлангов, терли швабрами, и этот шум, свежий, водяной, был очень сладок в том зное и блеске, присутствие которого в мире я почувствовал еще в постели», а также метафорой жизни, ее источником: «Путь твой в море и стезя твоя в водах великих и следы твои неведомы...» И я был в страшной и сладкой близости твоей, и безгранична моя любовь к тебе, и крепка вера в родимое, отчее лоно твое!»

Герой-повествователь в дневнике «Воды многие» (в отличие от героев рассказа «Господин из Сан-Франциско») постоянно наблюдает облака, солнце, звезды (созвездия), луну. Небо играет важную роль в раскрытии идеи, в образной системе этого произведения. Амбивалентная пара небо — земля олицетворяет собой дух и материю, отцовское и материнское начала. С образами неба и земли в дневнике «Воды многие» связана священная гора Синай. Являясь вершиной рая, осью соединения земли и неба, земного и божественного, она олицетворяет божественную сущность, саму жизнь, а также космические силы. В рассказе «Господин из Сан-Франциско» амбивалентная пара земля — небо реализуется через образ Везувия, который, напротив, олицетворяет собой смерть, ад, преисподнюю.

Ученые-литературоведы отмечают, что ни у кого из русских писателей и поэтов не встречается так часто описание звездного неба, как у И. А. Бунина. Особое внимание он уделяет солнцу как животворящему началу, которому противопоставляется луна, связанная с загробным миром, с областью смерти. Однако важными символами в его творчестве являются созвездия и звезды, олицетворяющие в русской языковой картине мира надежду, становясь знаком того, что «человек куда-то стремится, хочет превзойти самого себя» [26, с. 182]. Так, созвездие Южного Креста в произведении «Воды мно-

гие» выступает символом рая: «...смотрел на него и вдруг вспомнил, что у Данте сказано: «Южный Крест освещает преддверие рая». Это созвездие вызывает у героя-повествователя ассоциацию с натальным крестом — символом христианства: «Словно нарочно разошлись облака, и радостно и мирно сияет лунный лик в высоте передо мной, а ниже, в светлой и прозрачной бездонности южного небосклона, тихо теплятся алмазы Южного Креста». С помощью метафорически завуалированных символов (облака, луна) воссоздается образ Бога. В русском фольклоре луна ассоциируется с мужским началом, в данном случае она — лицо самого Творца, облака в христианской символике скрывают его от людских глаз. Созвездие Южный Крест, расположившееся ниже, позволяет догадаться, что оно находится на груди Создателя. Герой желает постигнуть его волю, в отличие от героев произведения «Господин из Сан-Франциско», которые не хотят думать о смерти, не обращая внимания на подобные мистические явления, на символическое присутствие огромного, как утес, Дьявола. Даже бушующий океан не внушает им чувства страха, так как они о нем не думают, «твердо веря во власть над ним командира, похожего <...> на огромного идола».

Кроме Южного Креста, упоминаются Полярная звезда, указывающая «на о. Королевства Туле, первую колыбель человечества, находившуюся на севере» [26, с. 182–183], и Сириус — любимая звезда И. А. Бунина. По мнению А. Абрамянца [10], она привлекала писателя в первую очередь как символ творческого зрота. Через образы именно этих звезд и созвездий к герою-повествователю приходит чувство небесной тайны, которую он пытается разгадать.

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод о том, что космологическое знание играет важную роль в познавательных процессах И. А. Бунина: оно дает возможность глубже размышлять о смысле человеческого бытия, задумываться о жизни и смерти человека, являющегося Гражданином загадочной и грозной Вселенной.

Заключение

Итак, тип мирозерцания И. А. Бунина можно определить как универсальный, поскольку в нем представлен целостный взгляд на бытие мира и человека, где очевидны нерасторжимые взаимосвязи микрокосмоса человека и макрокосмоса природы. Система взглядов писателя транслирует основные идеи русского космизма, где важнейшее место занимают следующие идеи: неразрывной связи человека с Космосом, Вселенной; нравственной основы эволюции как основы гармонии с Космосом; Всеединства и «четвероугласия стихий».

Однако исследование показывает, что данные произведения представляют собой весьма перспективный материал для современных ученых, так как дают возможность наблюдать специфические грани космического мироощущения И. А. Бунина. Сравнительно-сопоставительный анализ произведений «Господин из Сан-Франциско» и «Воды многие» наглядно демонстрирует, что главной чертой творчества писателя являются представления о Космосе как о структурно организованном упорядоченном мире и человеке как «Гражданине Вселенной», который противопоставлен «Господину Мира», осознающему себя центром Вселенной. При этом понятия «Господин Мира» и «Гражданин Вселенной» становятся ключевой оппозицией, раскрывающей художественно-философскую концепцию мира и человека И. А. Бунина, его религиозно-нравственные представления. На контрасте произведений актуализируется главная черта русского космизма — оптимистический характер: обретается вера в человека, в его благополучное земное бытие (конечно, при условии его тяготения к духовно-нравственному развитию и приверженности идее Всеединства), разрешается внутреннее противоречие героя, осознающего свое двойственное положение в природе, его смертность и бессмертие гармонизируются со смертностью и бессмертием природы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Koeher L. The philosophy of Action / L. Koeher, N. F. Fedorov. — Pitsburg, PA : Institute for the Human Actions, 1979. — 327 p.
2. Teskey A. Platonov and Fedorov: The Influence of Christian Philosophy on a Soviet Writer / A. Teskey / Amer-sham : Avebury, 1982. — 182 p.
3. Hagemeister M. Nikolaj Fedorov: Studien zu Leben, Werk und Wirkung / M. Hagemeister. — München : Sagner, 1989. — 184 S.
4. Shlapentokh D. The Fedorovian Roots of Stalinism / D. Shlapentokh // Philosophy today. — 1996. — Vol. 40, no. 3. — P. 72–96.

5. Щедринова О. Н. Космическое мирозерцание Куприна / О. Н. Щедринова // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. — 2010. — Т. 11, вып. 4. — С. 235–243.
6. Куприн А. И. Юнкера // Собрание сочинений : в 9 т. / А. И. Куприн. — М. : Правда, 1964. — Т. 8. — С. 7–82.
7. Демин В. Н. Русский космизм: от истоков к взлету / В. Н. Демин // Вестник Московского университета. Сер. 7, Философия. — 1996. — № 6. — С. 3–18.
8. Толстой Л. Н. Дневники и записные книжки 1910 г. // Полное (юбилейное) собрание сочинений : в 90 т. / Л. Н. Толстой. — М. : Худож. лит., 1928–1959. — Т. 58.
9. Бунин И. А. Освобождение Толстого. О Чехове. Избранные биографические материалы, воспоминания, статьи // Собрание сочинений : в 9 т. / И. А. Бунин. — М. : Худож. лит., 1967. — Т. 9.
10. Абрамянц А. Звездные руны Ивана Бунина / А. Абрамянц // Русская речь. — 2002. — № 2. — С. 29–33.
11. Бабореко А. К. И. А. Бунин. Материалы для биографии (1870–1917) / А. К. Бабореко. — М. : Худож. лит., 1983. — 351 с.
12. Ильин И. А. О тьме и просветлении / И. А. Ильин. — М. : Скифы, 1991. — 211 с.
13. Крутикова Л. В. Неугасимый свет (перечитывая Бунина) / Л. В. Крутикова // Нева. — 1995. — № 10. — С. 182–188.
14. Михайлов О. Н. Строгий талант. И. Бунин. Жизнь. Судьба. Творчество / О. Н. Михайлов. — М. : Современник, 1976. — 279 с.
15. Спивак Р. С. Грозный Космос Бунина / Р. С. Спивак // Литературное обозрение. — 1995. — № 3. — С. 35–39.
16. Сливицкая О. В. Основы эстетики И. А. Бунина / О. В. Сливицкая // И. А. Бунин: Pro et contra. Личность и творчество Ивана Алексеевича Бунина в оценках русских и зарубежных мыслителей и исследователей / сост. Б. В. Аверин, К. В. Степанов, Д. Ринекер. — СПб. : Изд-во РХГИ, 2001. — С. 459–460.
17. Крутикова Л. В. Иван Бунин / Л. В. Крутикова // История русской литературы : в 4 т. / гл. ред. Н. И. Пруцков. — Л. : Наука, 1980–1983. — Т. 4. — С. 603–666.
18. Фразеологический словарь русского языка / Л. А. Войнова [и др.] ; под ред. А. И. Молоткова. — 4-е изд., стер. — М. : Рус. яз., 1986. — 543 с.
19. Бунин И. А. Собрание сочинений : в 9 т. / И. А. Бунин ; сост. И. Владимиров. — М. : ТЕРРА-Кн. клуб, 2009. — Т. 1 : Стихотворения 1888–1952 гг. — 528 с.
20. Трофимова Е. А. Космизм в русской культуре Серебряного века / Е. А. Трофимова. — СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та упр. и экономики, 2012. — 228 с.
21. Гулыга А. В. Уроки классики и современность / А. В. Гулыга. — М. : Худож. лит., 1990. — 381 с.
22. Гиренок Ф. И. Экология. Цивилизация. Ноосфера / Ф. И. Гиренок. — М. : Наука, 1987. — 180 с.
23. Степун Ф. А. Литературные заметки: И. А. Бунин (по поводу «Митиной любви») / Ф. А. Степун // И. А. Бунин: Pro et contra. Личность и творчество Ивана Алексеевича Бунина в оценках русских и зарубежных мыслителей и исследователей / сост. Б. В. Аверин, К. В. Степанов, Д. Ринекер. — СПб. : Изд-во РХГИ, 2001. — С. 371–386.
24. Книга мудрых радостей / сост. В. В. Малявин. — М. : Наталис, 1997. — 430 с.
25. Вернадский В. И. Живое вещество / В. И. Вернадский. — М. : Наука, 1978. — 363 с.
26. Энциклопедия символов, знаков, эмблем / сост. В. Андреева. — М. : Локид : Миф, 1999. — 556 с.

REFERENCES

1. Koeher L., Fedorov N. F. *The philosophy of Action*. Pitsburg, PA, Institute for the Human Actions, 1979. 327 p.
2. Teskey A. *Platonov and Fedorov: The Influence of Christian Philosophy on a Soviet Writer*. Amersham, Avebury, 1982. 182 p.
3. Hagemeister M. *Nikolaj Fedorov: Studien zu Leben, Werk und Wirkung*. München, Sagner, 1989. 184 S.
4. Shlapentokh D. The Fedorovian Roots of Stalinism. *Philosophy today*, 1996, vol. 40, no. 3, pp. 72–96.
5. Shchedrinova O. N. Kuprin's cosmic philosophy. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii = Review the Russian Christian Academy for the humanities*, 2010, vol. 11, iss. 4, pp. 235–243. (In Russian).
6. Kuprin A. I. *Cadets. Sbranie sochinenii* [The collected works]. Moscow, Pravda Publ., 1964, vol. 8, pp. 7–82. (In Russian).
7. Demin V. N. Russian cosmism: from the origins to the golden age. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7, Filosofiya = Moscow University Philosophy Bulletin*, 1996, no. 6, pp. 3–18. (In Russian).
8. Tolstoi L. N. Diaries and notebooks 1910. *Polnoe (yubileinoe) sbranie sochinenii* [The collected anniversary works]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1928–1959, vol. 58, pp. 113. (In Russian).
9. Bunin I. A. Tolstoy's liberation. On Chekhov. The collected biographical materials, memoirs, articles. *Sbranie sochinenii* [The collected works]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1967, vol. 9, pp. 131. (In Russian).
10. Abramyan A. Bunin's star runes. *Russkaya rech' = Russian speech*, 2002, no. 2, pp. 29–33. (In Russian).
11. Baboreko A. K. I. A. *Bunin. Materialy dlya biografii (1870–1917)* [I. A. Bunin. Biographical materials (1870–1917)]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1983. 351 p.
12. Il'in I. A. *O t'me i prosvetlenii* [On darkness and enlightenment]. Moscow, Skify Publ., 1991. 211 p.
13. Krutikova L. V. Light ineffable (Rereading Bunin). *Neva*, 1995, no. 10, pp. 182–188. (In Russian).
14. Mikhailov O. N. *Strogii talant. I. Bunin. Zhizn'. Sud'ba. Tvorchestvo* [Strict talent. I. Bunin. Life. Destiny. Works]. Moscow, Sovremennik Publ., 1976. 279 p.
15. Spivak R. S. Severe Bunin's universe. *Literaturnoe obozrenie = Literary Observer*, 1995, no. 3, pp. 35–39. (In Russian).

16. Slivitskaya O. V. Foundations of I. A. Bunin's aesthetics. In Averin B. V., Stepanov K. V., Rineker D. (eds.). *I. A. Bunin: Pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Ivana Alekseevicha Bunina v otsenkakh russkikh i zarubezhnykh myslitelei i issledovatelei* [I. A. Bunin: Pro et contra. Personality and works by Ivan A. Bunin from the point of view of Russian and foreign theorists and researchers]. Saint Petersburg, Russian Christian Academy of Humanities Publ., 2001, pp. 459–460. (In Russian).
17. Krutikova L. V. Ivan Bunin. In Prutskov N. I. (ed.). *Istoriya russkoi literatury* [History of Russian literature]. Leningrad, Nauka Publ., 1980–1983, vol. 4, pp. 603–666. (In Russian).
18. Voinova L. A., Zhukov V. P., Molotkov A. I., Fedorov A. I.; Molotkov A. I. (ed.). *Frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian language]. 4th ed. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1986. 543 p.
19. Bunin I. A.; Vladimirov I. (ed.). *Sobranie sochinenii* [The collected works]. Moscow, TERRA-Knizhnyi klub Publ., 2009. Vol. 1. 528 p.
20. Trofimova E. A. *Kosmizm v russkoi kul'ture Serebryanogo veka* [Cosmism in the Russian culture of the Silver age]. Publishing house of Saint-Petersburg university of management and economics Publ., 2012. 228 p.
21. Gulyga A. V. *Uroki klassiki i sovremennost'* [Lessons of classics and modernity]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990. 381 p.
22. Girenok F. I. *Ekologiya. Tsvivilizatsiya. Noosfera* [Ecology. Civilization. Noosphere]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 180 p.
23. Stepun F. A. Literature notes: I. A. Bunin (on «Mitya's love»). In Averin B. V., Stepanov K. V., Rineker D. (eds.). *I. A. Bunin: Pro et contra. Lichnost' i tvorchestvo Ivana Alekseevicha Bunina v otsenkakh russkikh i zarubezhnykh myslitelei i issledovatelei* [I. A. Bunin: Pro et contra. Personality and works by Ivan A. Bunin from the point of view of Russian and foreign theorists and researchers]. Saint Petersburg, Russian Christian Academy of Humanities Publ., 2001, pp. 371–386. (In Russian).
24. Malyavin V. V. (ed.). *Kniga mudrykh radostei* [The book of wise pleasures]. Moscow, Natalis Publ., 1997. 430 p.
25. Vernadskii V. I. *Zhivoe veshchestvo* [Living matter]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 363 p.
26. Andreeva V. (ed.). *Entsiklopediya simvolov, znakov, emblem* [Encyclopedia of symbols, signs and emblems]. Moscow, Lokid Publ., Mif Publ., 1999. 556 p.

Информация об авторах

Суходолов Александр Петрович — доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист Российской Федерации, ректор, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: rector@bgu.ru.

Антипина Елена Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент, кафедра журналистики, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: antipina418@yandex.ru.

Для цитирования

Суходолов А. П. Идеирусского космизма в творчестве И. А. Бунина: «Господин Мира» и «Гражданин Вселенной» / А. П. Суходолов, Е. С. Антипина // Известия Байкальского государственного университета. — 2018. — Т. 28, № 3. — С. 382–390. — DOI: 10.17150/2500-2759.2018.28(3).382-390.

Authors

Alexander P. Sukhodolov — D.Sc. in Economics, Professor, meritorious economist of the Russian Federation, Rector of Baikal State University, 11 Lenin St., 664003, Irkutsk, the Russian Federation, e-mail: rector@bgu.ru.

Elena S. Antipina — Ph.D. in Philology, Associate Professor, Department of Journalism, Baikal State University, 11 Lenin St., 664003, Irkutsk, the Russian Federation, e-mail: antipina418@yandex.ru.

For Citation

Sukhodolov A. P., Antipina E. S. The Concepts of Russian Cosmism in the Works by I. A. Bunin: «The Gentleman of the World» and «The Cosmopolite». *Izvestiya Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Baikal State University*, 2018, vol. 28, no. 3, pp. 382–390. DOI: 10.17150/2500-2759.2018.28(3).382-390. (In Russian).